

СУЗДАЛЬСКО-НИЖЕГОРОДСКИЕ КНЯЗЬЯ АЛЕКСАНДР ВЗМЕТЕНЬ И
АЛЕКСАНДР БРЮХАТЫЙ
(ГЕНЕАЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ПРАВЛЕНИЯ)

Великое княжение Суздальско-Нижегородское являлось одним из крупнейших, хотя и очень недолговечным государственным образованием древней Северо-Восточной Руси. Возникшее в 1341 г., оно прекратило свое существование уже в 1392 г. — вследствие решения хана Тохтамыша передать его будущую часть, с городами Нижним Новгородом и Городцом, в состав великого княжения Владимирско-Московского. После этого свою внутреннюю самостоятельность, но отнюдь не политическую роль сохранило только княжение Суздальское. В частности, в Суздале после 1392 г. продолжалась монетная чеканка местных князей (см., например: [Мед, с. 309—315]), а в духовных грамотах (завещаниях) великого князя Московского Василия Дмитриевича (1389—1425 г.) этот город среди его владений не значится¹. Однако князья Суздальские вовсе не собирались отказываться и от своих прав на Нижний Новгород, за который они боролись с Москвой с переменным успехом еще в течение пяти с половиной десятилетий. Перипетии этой борьбы несколько раз приводили, хотя и на короткое время, к реставрации великого княжения Суздальско-Нижегородского в его прежнем составе (за исключением северного анклава — Вятки).

Среди князей Суздальского дома, которым в 1-й половине XV в. удалось добиться возвращения своей нижегородской «отчины», самым малоизвестным, по-видимому, является Александр Иванович. С личностью этого правителя связано три вопроса, решение которых в существующей историографии еще не исчерпало всех тех возможностей, которые может предоставить имеющаяся источниковая база. Во-первых, это происхождение Александра Ивановича, а точнее, отношение родства двух полных тезок этого имени, носивших прозвания Взметень и Брюхатый. Во-вторых, это хронология жизни Александра Взметня и Александра Брюхатого. И в-третьих, это хронология княжения Александра Ивановича в Нижнем Новгороде. Выяснение этих вопросов и является задачей настоящей статьи.

В 1-й трети XV в. жили сразу два Александра Суздальских, которые могли править также и в Нижнем Новгороде. Они принадлежали к двум разным ветвям рода князей Суздальских — потомкам великих князей Дмитрия Константиновича († 1383) и его брата Бориса († 1394). Один из них, Александр Иванович Брюхатый, согласно всем вариантам родословных росписей, был сыном Ивана Васильевича, внуком Василия Дмитриевича Кирдяпы, правнуком Дмитрия Константиновича². Однако по поводу происхождения другого Александра, носившего прозвание Взметень, в источниках отмечены противоречивые сведения.

Первая версия содержится в древнейшей родословной росписи князей Суздальских, которая помещена среди различных приписок к Типографской летописи. Этот родословец, который мы условно назовем Типографским, судя по времени жизни последних записанных в нем лиц, был составлен в конце XV в. Здесь Александр Взметень назван сыном Ивана Борисовича Тугого Лука, внуком Бориса Константиновича³. Однако в официальной Бархатной книге, восходящей к так называемому Государеву родословцу 1555 г. [Лихачев, с. 6—8], Иван Борисович показан бездетным, а Александр Взметень назван сыном его старшего брата, Даниила Борисовича⁴. Эта версия отразилась и в некоторых других родословных⁵. В то же время, по крайней мере, в одной из

¹ ДДГ. С. 57—62, № 21, 22.

² ПСРА. М., 2000 [Пг., 1921]. Т. XXIV. С. 229; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... М., 1787. Ч. 1. С. 68; Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10. С. 44, 226 (частные родословные книги).

³ ПСРА. Т. XXIV. С. 230.

⁴ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... Ч. 1. С. 67—68.

⁵ Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 10. С. 227.

редакций родословных книг содержится версия Типографского родословца, причем со следующим примечанием составителя: «А въ иныхъ родословцахъ пишется князь Александро Взметень Даниловъ, а князь Иванъ де Тугой Лукъ былъ бездетень; и то справиль подлинно»⁶.

Помимо указанного противоречия, в родословных росписях существует и еще одно. В тех из них, где Александр Взметень показан сыном Ивана Борисовича, он назван первым мужем Василисы, дочери великого князя Московского Василия Дмитриевича, которая вторично вышла замуж за его полного тезку, Александра Ивановича Брюхатого. По версии же родословных книг, считающих Александра Взметня сыном Даниила Борисовича, он был вторым мужем Василисы, вдовы Александра Брюхатого.

Интересно, что в историографии XIX в. версия Типографского родословца и одной из редакций родословных книг во внимание вообще не принималась и происхождение Александра Взметня от Даниила Борисовича считалось бесспорным фактом. В основе такого убеждения лежала следующая записка Н. М. Карамзина, помещенная в его работе под 1418 г.: «Преставися князь Александръ Ивановичъ Брюхатой Суждальской, зять великаго князя: князь же великий дасть дочь свою Василису за другога мужа, за князя Александра Взметня Даниловича Суждальскаго и Нижегородскаго» [Карамзин, стб. 109, примеч. 254]. Достоверность этого сообщения никакому сомнению не подвергалась; Н. Храмцовский и А. В. Экземплярский даже считали его выпиской из сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи [Храмцовский, с. 9, примеч. 73; Экземплярский, с. 435, примеч. 1237], упуская из виду свидетельство самого Н. М. Карамзина, что эта летопись оканчивалась 1409 г.

В XIX в. спорным являлся только вопрос о происхождении Александра Брюхатого, якобы умершего в 1418 г., который, согласно Н. М. Карамзину, признавался *единственным* Александром Ивановичем в роду князей Суздальских. Н. Храмцовский, вслед за Н. М. Карамзиным, считал его сыном Ивана Васильевича Кирдяпина [Храмцовский, с. 39]. Однако М. Д. Хмыров признал такую генеалогию ошибочной, основываясь на одной грамоте Василия Темного, в которой Александр определенно назван сыном Ивана Борисовича [Хмыров, с. 13-14, 135]. А. В. Экземплярский по поводу потомства Ивана Борисовича писал, что «относительно этого вопроса родословные несогласны: одни из них считают его бездетным, а другие дают ему сына Александра Брюхатого и внука Семена. Те родословные, в которых он значится бездетным, считают Александра Ивановича внуком Василия Кирдяпы. Трудно разобраться в этой путанице!» [Экземплярский, с. 435]. Со своей стороны отметим, что путаницу в показаниях источников внес сам А. В. Экземплярский: Александр Иванович Брюхатый показан внуком Василия Кирдяпы во всех вариантах родословных росписей, а в некоторых из них сыном Ивана Борисовича назван Александр Взметень, а вовсе не Брюхатый. В конце концов, А. В. Экземплярский, вслед за М. Д. Хмыровым, признаёт Александра Брюхатого сыном Ивана Борисовича [Экземплярский, с. 436–437, 438]. Таким образом, получается, что эти исследователи на основе сопоставления записки Н. М. Карамзина с данными актового материала отрицали сразу обе версии родословных росписей (в которых, повторяем, Иван Борисович показан или бездетным, или же отцом Александра Взметня, а Александр Брюхатый во всех вариантах назван внуком Василия Кирдяпы).

Только И. А. Голубцов отметил тот факт, что по одной из версий родословных росписей существовал не один, а два Александра Ивановича — Взметень, сын Ивана Борисовича (а не его брата Даниила), и Брюхатый, сын Ивана Васильевича Кирдяпина. Что касается записки Н. М. Карамзина, то о ней И. А. Голубцов писал следующее: «...ни в одной из опубликованных до сих пор летописей ни под 1418 г., ни в других местах нет известия ни о скорой смерти кн. Ал-дра Ивановича... ни о выдаче его вдовы замуж за другого кн. Александра. Везде под 6926 г. (мартовским) приведено лишь известие о выдаче замуж за кн. Ал-дра Ивановича “суждальскаго” дочери в. кн. Вас. Дмитриевича — Василисы — “в неделю о фарисей”, то-есть в воскресенье 5 февраля 1419 г.

⁶ Там же. С. 46.

Весь указанный текст заимствован Карамзиным, очевидно, из родословцев, м. б., несколько отредактирован историографом ввиду противоречивостей в родословных, и попал, очевидно, по оплошности, без всякой оговорки в один ряд с действительными выдержками из летописей.

Но мало того, что отпадает это свидетельство Карамзина; среди имеющихся источников есть, как представляется, прямое указание на то, что кн. Ал-др Иванович жил и после 1419 г., года своей свадьбы, и, м. б., пережил и вел. князя Василия Дмитриевича, своего тестя»⁷ (обоснование этой точки зрения исследователя см. ниже).

Эти наблюдения И. А. Голубцова абсолютно справедливы: сведения, которые приведены в записке Н. М. Карамзина, отсутствуют не только во всех опубликованных летописях (а сколько-нибудь оригинальные своды изданы практически полностью), но и в работах его предшественников В. Н. Татищева [Татищев, с. 228] и М. М. Щербатова [Щербатов, стб. 491]. Недостоверность записки Н. М. Карамзина окончательно выясняется из данных Описной книги суздальского Спасо-Евфимиева монастыря 1660 г., опубликованных И. А. Голубцовым несколько позже цитированного комментария. Так, если по Н. М. Карамзину единственный в роде князей Суздальских Александр Иванович — Брюхатый — умер в 1418 г., то в Описной книге среди документов, хранившихся в монастырском архиве, упомянута утраченная к настоящему времени «грамота кн. Ал-дра Ив-ча на половину с. Лубянцева 6940 г.», то есть от 1431/1432 г.⁸ Кроме того, как будет показано ниже, другая сохранившаяся жалованная грамота великого князя Нижегородского Александра Ивановича Спасо-Евфимиеву монастырю была выдана не ранее 1425 г.

Причина появления записки Н. М. Карамзина под 1418 г., сообщающей о смерти Александра Брюхатого и вторичном замужестве Василисы Васильевны, может быть только одна. Среди своих источников историк имел родословную книгу той редакции, где Александр Взметень был назван Даниловичем, женившимся на Василисе Московской после смерти Александра Ивановича Брюхатого. Н. М. Карамзин счел нужным внести эти данные в число малозначительных «разных случаев», которые он приводил в примечаниях для периода правления каждого великого князя. Однако поскольку такие «случаи» имели форму погодных выписок из летописей, то и сообщение родословной книги следовало поместить под каким-то определенным годом. Таким годом Н. М. Карамзин избрал 6926-й, под которым в летописях сообщалось о женитьбе князя Александра Ивановича Суздальского на Василисе Московской, чисто условно допустив, что этот брак был недолгим и что Александр Брюхатый умер еще в том же году. При этом 6926 г. историк перевел на современное летоисчисление в целом как 1418-й, не обратив внимания на то, что женитьба Александра Ивановича состоялась зимой, в последний месяц 6926 мартовского года, а это соответствует уже началу 1419 г.

Таким образом, поскольку источником записки Н. М. Карамзина являлась только Бархатная книга или какой-то близкий ей родословец, то суть вопроса сводится к следующему: какой именно вариант родословных является достоверным — тот, где Александр Взметень назван сыном Ивана Борисовича, или же тот, где он показан сыном Даниила Борисовича? Первую версию следует признать более вероятной уже потому, что она содержится в древнейшем Типографском родословце, который был составлен лет на 60 ранее так называемого Государева родословца 1555 г. Кроме того, достоверность обеих версий проверялась еще в XVI в., когда составитель одной из родословных книг «справил подлинно», что Александр Взметень был сыном Ивана Тугого Лука, а не Даниила Борисовича.

Но, главное, наличие у Ивана Борисовича сына Александра подтверждается данными сразу нескольких современных источников: 1) летописная запись 1416 г.⁹ (о ней см. ниже); 2) данная грамота князя Ивана Борисовича с сыном Александром Спасо-Евфимиеву

---

⁷ АСЭИ. М., 1952. Т. II. С. 565.

⁸ АСЭИ. М., 1964. Т. III. С. 482.

⁹ ПСРЛ. М., 2004 [М.; Л., 1949]. Т. XXV. С. 243; так же и в ряде других сводов.

монастырю¹⁰; 3) данная грамота великого князя Василия Васильевича тому же Спасо-Евфимиеву монастырю, выданная «по приказу» его племянника (от сестры) князя Семена Александровича, в которой предками Семена названы великий князь Константин, князь Борис, князь Иван, князь Александр и княгиня Василиса¹¹; 4) монеты с именем князя Александра Ивановича, которые повторяют монетный тип денег князя Ивана Борисовича; по словам Н. Д. Мец, «сходство типов монет этих двух князей подтверждает прямое родство между ними» [Мец, с. 315]. В то же время князь Александр Данилович ни в одном источнике XV в. не упомянут.

Таким образом, достоверным следует признать свидетельство древнейшего Типографского родословца и одной из редакций родословных книг, согласно которым в 1-й половине XV в. жили два полных тезки: Александр Иванович Взметень, сын Ивана Борисовича Тугого Лука, и его троюродный племянник Александр Иванович Брюхатый, сын Ивана Васильевича Кирдяпина. Правильность такой генеалогии подтверждается еще и данными московского Синодика Успенского собора, в котором имеется следующая поминальная запись: «...благовѣрному князю Александру и другому князю Александру *Ивановичемъ* Суздальскимъ вѣчная память»¹². Очевидно также, что вслед за Типографским родословцем Александра Взметня следует признать первым мужем Василисы Васильевны, а Александра Брюхатого — вторым.

Александр, сын Ивана Борисовича, впервые упоминается в начале 1415 г. Тогда, вскоре после бегства его старших родственников, в том числе и самого Ивана Борисовича, из Нижнего Новгорода в Орду¹³, Александр Иванович принял решение помириться с Василием Дмитриевичем Московским¹⁴. Очевидно, главным стимулом для столь необычного решения молодого князя было признание за ним, конечно, в качестве вассала Москвы прав на Суздальское княжение. В противном случае трудно предположить, чтобы Александр мог иметь какие-то другие, скольконибудь весомые причины для того, чтобы мириться с главным врагом собственного отца. Правда, уже в 1416 г. в Москву приехал с миром и сам Иван Борисович, а в 1417 г. — его старший брат Даниил, бывший великий князь Нижегородский (1409—1414 г.)¹⁵. Понятно, что после этого Александр Иванович должен был уступить суздальский стол отцу и дяде.

Однако сыновья Бориса Константиновича ужиться с Василием Московским так и не смогли. Уже в 1418 г. оба брата, Даниил и Иван, бежали от него, очевидно, опять в Орду. Что касается Александра Ивановича, то он и на этот раз проявил самостоятельность, сохранив верность Москве. Вскоре за это последовала достойная награда: 5 февраля 1419 г. великий князь Василий Дмитриевич выдал за Александра собственную дочь, Василису¹⁶. Причем все летописи, сообщающие об этой свадьбе, называют жениха князем Суздальским. Полагаем, что в данном случае этот титул является не только родовым прозванием Александра Ивановича, но и свидетельством реального княжения в Суздале столь важного лица, каким был зять московского государя. К тому же из духовных грамот Василия Дмитриевича известно, что он до конца жизни признавал самостоятельность Суздальского княжения (см. выше).

Свидетельством правления Александра Ивановича в Суздале на рубеже 10—20-х годов XV в. являются и его именные монеты. Причем эти монеты были наиболее ранними суздальско-нижегородскими монетами так называемой «третьей группы» (по классификации Н. Д. Мец), то есть чеканились раньше, чем монеты этой же группы Даниила и Ивана Борисовичей [Мец, с. 315; Ильин, с. 37—38; Тростьянский, с. 248—249, 256—257]. Последние относятся к периоду после того, как Борисовичи в очередной раз вернулись из Орды на Русь, что произошло в 1423/1424 г. После этого Даниил Борисович вокняжился в Нижнем Новгороде, а Иван — в

¹⁰ АСЭИ. Т. II. С. 480, № 436.

¹¹ Там же. С. 487, № 446.

¹² Древняя Российская Вивлиофика. М., 1788. Ч. VI. С. 448.

¹³ ПСРЛ. М., 2000 [СПб., 1863]. Т. XV. Стб. 486—487.

¹⁴ ПСРЛ. Т. XXV. С. 243; так же и в ряде других сводов.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 243—244; так же и в ряде других сводов.

Суздаде, где, вероятно, разделил власть со своим сыном Александром [Горский, с. 160—164]. «Резчик, изготовивший оборотные штампы для монет князя Александра Ивановича, делал их и для нового князя суздальского» (Ивана Борисовича) [Тростянский, с. 257].

Приблизительную дату смерти Александра Ивановича установил И. А. Голубцов, который привлек для этого следующий фрагмент из договорной грамоты великого князя Василия Васильевича с князьями Дмитрием Юрьевичем Шемякой и его братом Дмитрием Красным 1434 г.: «А што въвел зять мой, князь Олександръ Иванович, отцу вашему четыре села, два Гавриловские, да Ярышево, да Ивановское, в долгу в пятисот рубльхъ, и мнѣ то вам отъправити по доконьчанью. А запритца мой сестричичъ, и мнѣ, князю великому, у него суд взяти по доконьчанью»¹⁷. Упомянутый здесь без имени «сестричичъ» Василия Васильевича — это, вне всяких сомнений, сын его сестры Василисы и Александра Ивановича Семен; как «сестричичъ» Василия Семена Александровича упомянут и в нескольких других грамотах, в одной из которых его предками названы великий князь Константин, князь Борис, князь Иван, князь Александр и княгиня Василиса¹⁸. Такая родословная Семена совершенно однозначно свидетельствует о том, что в приведенной цитате речь идет об Александре Ивановиче Взметне, сыне Ивана Борисовича, а не о его полном тезке Александре Ивановиче Брюхатом.

Интересующий нас фрагмент из грамоты 1434 г. И. А. Голубцов истолковывает следующим образом: «Из приведенного обязательства следует, что в. князь не признал за кн. Ал-дром Ивановичем права отчуждения названной территории в руки своего противника — кн. Юрия и требовал от его сына ликвидации этой сделки с возвращением заложенной территории, беря на себя взыскание с сына кн. Александра — своего племянника — кн. Семена полученного долга (500 р.). Кн. Юрий, наоборот, заключая сделку, признавал, очевидно, в кн. Александре полноправного хозяина закладываемых сел»¹⁹. Думается, что такое толкование несколько «натянута» и неточно. На самом деле Василий Васильевич всего лишь обещал Юрьевичам повлиять на своего племянника Семена Александровича, чтобы тот исполнил условия соглашения, заключенного между их покойными отцами — Александром Ивановичем и Юрием Дмитриевичем («мнѣ, князю великому, у него (Семена — С. К.) суд взяти по доконьчанью»).

По поводу времени смерти Александра Ивановича И. А. Голубцов писал: «Судя по тому, что в докончальных грамотах в. кн. Вас. Вас. с дядей кн. Юрием Дмитриевичем от 1428 г. (марта 11) и от 1433 г. (см. ДДГ, №№ 24 и 30) нет упоминания о каких-либо счетах между ними, связанных с долгом кн. Александра Ив. и закладом суздальских сел, можно думать, что заклад состоялся незадолго до смерти кн. Юрия Дмитриевича (умершего 5 июня 1434 г.), — примерно, около 1433 г., — учитываем здесь обычай тех времен закладные кабалы, как и заемные, совершать сроком на год. Таким образом, остается предположить, что кн. Ал-др Иванович умер, не выплатив долга, незадолго до смерти кн. Юрия Дмитриевича, около 1433 — нач. 1434 г.»²⁰.

И это наблюдение И. А. Голубцова требует некоторого уточнения. Сделка Юрия Дмитриевича с Александром Ивановичем теоретически могла быть заключена необязательно после договоров 1428 и 1433 г.: в этих последних она могла быть не упомянута в том случае, если тогда были живы оба участника сделки и соответственно вмешательства великого князя Василия в их дела не требовалось. Однако если бы в 1428 и 1433 г. Александра уже не было среди живых, то логично было бы ожидать, что в мирных договорах великого князя Василия с князем Юрием первый дал бы второму обязательство повлиять на своего «сестричича», наследника Александра, чтобы тот выполнил перед Юрием соглашение своего покойного отца — точно так, как такое обязательство великий князь Василий позже дал сыновьям Юрия. Впрочем, и такое положение нельзя признать бесспорным, поскольку Василий Васильевич вовсе не обязательно должен был

---

¹⁷ ДДГ. С. 88, № 34.

¹⁸ АСЭИ. Т. II. С. 487, № 446.

¹⁹ Там же. С. 566.

²⁰ Там же.

вмешиваться в отношения самого Юрия Дмитриевича со своим племянником — наследником Александра Ивановича. Однако в нашем распоряжении имеется еще один документ, который позволяет уверенно отнести сделку Александра Взметня с Юрием Дмитриевичем ко времени не ранее 1433 г.

Речь идет о духовной грамоте Юрия Дмитриевича²¹, которая была составлена в тот короткий период, когда Юрий после возвращения из Орды владел Дмитровом, то есть осенью 1432 г.²² Известно, что в княжеских духовных грамотах подробно перечислялись все владения завещателя, а также наиболее ценное его имущество. Не является исключением и упомянутый документ: завещаемые сыновьям владения Юрий Дмитриевич перечисляет весьма подробно, по отдельным волостям и селам. Но о четырех суздальских селах, которые Юрий получил от Александра Ивановича под залог 500 рублей (свыше 50 кг серебра), в духовной грамоте ничего не сказано, хотя вполне очевидно, что они представляли собой слишком значительную ценность для того, чтобы быть пропущенными в завещании (где подробно перечислены все принадлежащие Юрию ценные вещи). Поэтому вряд ли подлежит сомнению, что сделка Юрия Дмитриевича с Александром Ивановичем, условия которой так и не были выполнены Александром до его смерти, состоялась уже после составления духовной грамоты, то есть не ранее зимы 1432/1433 г.

Главным условием договора великого князя Василия Васильевича с сыновьями Юрия Дмитриевича, в котором Александр Иванович упомянут как умерший, являлась передача в удел Дмитрию Шемяке и Дмитрию Красному Углича, Ржевы и Бежецкого Верха. Из летописей известно, что эта передача состоялась сразу после бегства старшего Юрьевича, Василия Косого, из Москвы, который сидел там в течение месяца после смерти отца (5 июня 1434 г.)²³. Таким образом, дата смерти Александра Ивановича Взметня уверенно определяется в рамках 1433 — 1-й половины 1434 г.

Переходим к вопросу о княжении Александра Ивановича в Нижнем Новгороде. О самом этом факте известно только из двух его жалованных грамот, выданных местным монастырям — нижегородскому Благовещенскому и суздальскому Спасо-Евфимиеву. Первая из них была выдана «июля того лета, коли князь Александр Иванович сел на своей отчине на Новегороде»²⁴. Вторая грамота Александра, на монастырские владения «в моей вотчине в Ноугородском княжении, в Гороховце», относится ко времени, когда «великий князь Александр Иванович взял ми[р] с великим князем (Московским. — С. К.)»²⁵. К сожалению, оба этих документа дат выдачи не содержат.

В существующей историографии нижегородское княжение Александра Ивановича традиционно, хотя и с некоторыми вариациями, относилось к последним годам правления великого князя Московского Василия Дмитриевича. В основе такой датировки лежит все та же записка Н. М. Карамзина, сообщающая под 1418 г. о смерти князя Александра Ивановича Брюхатого Суздальского.

Н. Храмцовский полагал, что Александр Брюхатый унаследовал Нижегородское княжение после смерти в 1417 г. своего отца, Ивана Васильевича Кирдяпина, и умер в 1419 г. — вскоре после женитьбы 5 февраля на Василисе Васильевне Московской [Храмцовский, с. 39]. Утверждение о прямом наследовании нижегородского стола от отца к сыну является следствием ошибки Н. Храмцовского, который принял умершего в 1417 г. Ивана Васильевича Нижегородского, сына великого князя Василия Дмитриевича²⁶, за Ивана Васильевича Кирдяпина, который на самом деле в Нижнем Новгороде никогда не княжил. Дату смерти Александра Брюхатого Н. Храмцовский сознательно перенес на год вперед, по сравнению с запиской Н. М. Карамзина,

²¹ ДДГ. С. 73–75, № 29.

²² ПСРЛ. СПб., 1851. Т. V. С. 264; Т. XXV. С. 250.

²³ ПСРЛ. Т. XXV. С. 252.

²⁴ АФЭХ. М., 1951. Ч. I. С. 205, № 234.

²⁵ АСЭИ. Т. II. С. 437, № 435.

²⁶ ПСРЛ. Т. XXV. С. 243.

очевидно, потому, что летописи сообщают о женитьбе Александра Ивановича на Василисе Васильевне только 5 февраля 1419 г.

А. В. Экземплярский, безоговорочно доверяя данным Н. М. Карамзина, выдвинул другую версию: якобы Александр Брюхатый получил Нижегородское княжение от великого князя Василия Дмитриевича в связи с женитьбой на его дочери Василисе («еще до брака, может быть, в виде приданого... получил Нижний Новгород и писался великим князем»), но умер в том же 1418 г. [Экземплярский, с. 442]. Так же считал и А. Е. Пресняков, полагавший, что именно во время нижегородского княжения Александра в 1418 г. была составлена та из духовных Василия Дмитриевича, из которой следует, что Нижний Новгород тогда ему не принадлежал [Пресняков, с. 281–282, примеч. 1]. Л. В. Черепнин повторил вывод А. Е. Преснякова с той небольшой разницей, что датировал духовную Василия Дмитриевича 1417 г. [Черепнин, 1948, с. 88–90; Черепнин, 1951, с. 134–135].

Однако из вышесказанного очевидно, что главное основание изложенной версии — факт смерти Александра Ивановича в 1418 г. — является недостоверным, поскольку Александр Иванович Взметень на самом деле умер только в 1433/1434 г., а Александр Брюхатый — еще позже. Что же касается существования самостоятельного Нижегородского княжения в конце правления Василия Дмитриевича, о чем свидетельствует его духовная грамота, то этот эпизод связан с деятельностью Даниила Борисовича в 1423/1424 г.²⁷

И. А. Голубцов, который первым правильно установил приблизительную дату смерти Александра Ивановича (Взметня), его жалованную грамоту Спасо-Евфимиеву монастырю и, соответственно, княжение в Нижнем Новгороде датировал фактически по-старому, временем около 1418–1419 г., хотя и только предположительно. При этом исследователь основывался на упоминании в документе о мире Александра с великим князем (Московским), по поводу чего писал следующее: «Надо думать, что в. кн. нижегородский Александр Иванович взял мир с в. кн. московским Василием Дмитриевичем около времени своей женитьбы на его дочери Василисе, что произошло в 1419 г., февраля 5; перед этим в 1418 г. его отец кн. Иван Борисович Тугой Лук и его дядя кн. Даниил Борисович бежали от в. князя из Москвы, что знаменовало несомненно новое размирье между в. князем и нижегородскими князьями; это-то размирье, видимо, и было ликвидировано свадьбой Александра и Василисы. Отсюда предположительная дата: ок. 1418–19 гг.»²⁸.

А. А. Горский вслед за своими предшественниками придерживается мнения, что Александр Иванович получил Нижегородское княжение от великого князя Василия Дмитриевича вместе с рукой его дочери Василисы. По поводу личности этого Александра исследователь заключает следующее: «Коль скоро ушла из жизни Василиса несомненно женой Александра Ивановича Борисова внука, можно полагать, что 5 февраля 1419 г. она была выдана за сына Ивана Васильевича, а затем, после его смерти, вышла за сына Ивана Борисовича». Причем утверждение о смерти Василисы при жизни Александра Ивановича Борисова внука (т. е. Взметня), умершего около 1433 г., основывается только на данной грамоте князя Александра Спасо-Евфимиеву монастырю, выданной «своему отцу и своей матери и своей жене на поминок» [Горский, с. 157–158]. Но почему эту грамоту не мог выдать Александр Иванович Брюхатый, внук Кирдяпы, А. А. Горский не объясняет. Напомним, по древнейшему Типографскому родословцу, показания которого о происхождении обоих Александров подтверждаются документами, именно Александр Брюхатый был вторым мужем Василисы.

По мнению А. А. Горского, при отождествлении первого мужа Василисы Васильевны с Александром Брюхатым «становится ясным, почему, передав Нижний Новгород зятю, Василий I вскоре вернул его в состав своих владений (поскольку Нижний фигурирует в их числе в духовной

---

²⁷ Являлся князем Нижегородским 20 января 6932 (1424) г., что следует из записи на одном рукописном сборнике нижегородского Печерского монастыря (см. об этом: [Горский, с. 161–162]).

²⁸ АСЭИ. Т. II. С. 480.

грамоте Василия, датируемой мартом 1423 г.). Нижегородское княжение было отдано великим князем московским своему двоюродному племяннику, внуку Василия Кирдяпы; после же его смерти, выдав дочь за внука Бориса Константиновича, Василий I не собирався передавать ему Нижний. К этому времени уже, вероятно, погиб Едигей (это случилось в 1419 г.), и у Василия отпала нужда лавировать в отношениях с князьями суздальско-нижегородского дома, так как они лишились могущественного покровителя в Орде» [Горский, с. 158–159].

Все изложенные версии, несмотря на некоторые вариации, согласны в том основополагающем факте, что Александр Иванович (Брюхатый или Взметень) получил Нижний Новгород от великого князя Василия Дмитриевича в связи с женитьбой на его дочери Василисе. Однако как раз этот факт *никакого* подтверждения в источниках не находит, являясь лишь догадкой А. В. Экземплярского, которая «по инерции» перешла в последующую историографию. Все летописи, сообщающие о женитьбе Александра в феврале 1419 г., титулуют его только князем Суздальским, а не Нижегородским, как названы его дядя Даниил и отец Иван Борисовичи²⁹. В крупном кладе из Селитренного городища, сокрытом в середине 1420-х годов, содержатся почти исключительно суздальско-нижегородские монеты «третьей группы» (по классификации Н. Д. Мец). Из них 1109 — нижегородские великого князя Даниила Борисовича, 42 — суздальские князя Александра Ивановича и 39 — князя Ивана Борисовича [Тростьянский, с. 237, 255–256]. Если бы Александр княжил в Нижнем Новгороде в конце правления Василия Дмитриевича, то логично было бы ожидать, что свои монеты он чеканил бы именно здесь и с великокняжеским титулом, а не в Суздале с княжеским. А то, что монеты Александра чеканились в Суздале, помимо иконографии, доказывают их оборотные штемпеля, идентичные с монетами Ивана Борисовича — несомненно, только князя Суздальского (см. выше).

Но, главное, жалованную грамоту великого князя Александра Ивановича Спасо-Евфимиеву монастырю, в которой он называет своей отчиной Новгородское княжение, по ряду признаков следует относить уже ко времени правления великого князя Московского Василия Васильевича (с 1425 г.). Спасский архимандрит Авраамий, на имя которого был выдан этот документ, по другим источникам (кроме одной, также недатированной грамоты) неизвестен. По данным П. М. Строева, Авраамий упоминается около 1417 г., причем дается ссылка на рукопись Румянцевского музея [Строев, стб. 664]. А поскольку грамота Александра Ивановича Спасо-Евфимиеву монастырю известна только по списку начала XIX в. как раз из собрания Н. П. Румянцева, то, скорее всего, упоминание об Авраамии П. М. Строев заимствовал именно из этого документа. Дата же «около 1417» наверняка основана на «Истории» Н. М. Карамзина, где смерть Александра Ивановича была ошибочно отнесена к 1418 г.; поэтому дату П. М. Строева во внимание принимать не следует. Вероятнее всего, архимандрита Авраамия нужно отождествить с известным епископом Суздальским Авраамием, который упоминается в источниках с 1437 г.³⁰, а до занятия епископской кафедры вполне мог быть настоятелем крупнейшего из суздальских монастырей³¹.

Установить нижнюю хронологическую грань выдачи грамоты Александра Ивановича, по нашему мнению, позволяет ее сравнение с жалованной грамотой тому же Спасо-Евфимиеву монастырю великого князя Московского Василия Дмитриевича, выданной на имя архимандрита Давида 8 февраля 1425 г.³² В обоих документах речь идет об одних и тех же монастырских владениях. В грамоте Василия Дмитриевича на 10 лет освобождаются от великокняжеских повинностей и суда люди, которые будут куплены или перезваны монастырем из других княжений и

²⁹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 244; так же и в других сводах.

³⁰ Там же. С. 253.

³¹ Из грамоты князя Андрея Андреевича (Ногтева-Суздальского) следует, что в марте 1434 г. архимандритом Спасо-Евфимиева монастыря был Феогност (Назаров В. Д. Акты XV века из архива Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 15, № 2). Но был ли этот Феогност преемником, или еще предшественником Авраамия, определить невозможно.

³² АСЭИ. Т. II. С. 480–481, № 437.

поселены в монастырской деревне Филипповской, Мещерской волости. В грамоте же Александра Ивановича бессрочно (а не на 10 лет) освобождаются от великокняжеских повинностей и суда все монастырские люди пяти монастырских деревень в Гороховецкой и Мещерской волостях, в том числе и Филипповской; люди же, перезванные монастырем во все эти деревни (а не только в Филипповскую) из других княжений, освобождаются от великокняжеских повинностей и суда на 10 лет, как и в грамоте Василия Дмитриевича³³.

Как видим, доходы и права, от которых отказывается в пользу монастыря Александр Иванович, во много раз превосходят те, от которых отказывается Василий Дмитриевич. Если бы более ранней была грамота Александра, то пришлось бы признать, что Василий лишил монастырь большей части доходов и прав, переданных ему ранее. А такие действия княжеской власти по отношению к монастырям для того времени очень маловероятны.

Грамоту Александра Ивановича позже подтвердил князь Суздальско-Нижегородский Федор Юрьевич, а после окончательного присоединения Суздальско-Нижегородской земли к Московскому государству, 17 января 1451 г., жалованную грамоту точно такого же содержания выдал монастырю и великий князь Московский Василий Васильевич³⁴. Если допустить, что грамота Александра Ивановича была выдана ранее 1425 г., то совершенно непонятно, почему грамота Василия Васильевича дословно повторяет именно этот документ, а не более позднюю грамоту его собственного отца, Василия Дмитриевича. Учитывая сказанное, выдачу грамоты Александра Ивановича Нижегородского Спасо-Евфимиеву монастырю, полагаем, можно достаточно уверенно относить ко времени после 8 февраля 1425 г., то есть к первым годам московского княжения Василия Васильевича.

В пользу такой датировки можно привести еще один источник — надпись на напрестольном кресте нижегородского Спасо-Преображенского собора (в XIX в. он был передан в одну из провинциальных церквей Нижегородской епархии). Эта надпись гласит: «В лѣто 6942-е положе[н] бысть си кр[е]сть на престолѣ в Нижнемъ Новѣго[ро]дѣ в соборуи ц[е]рковь б[о]голюбиво Преображения Сп[а]сова бл[а]говѣрноию и бл[а]городной великоу кн[я]зю Вас[или]сою на память с[в]ятаго отца нашего Епсихия е...» [Макарий, с. 332–334; Николаева, с. 14]. Память св. мученика Евпсихия Кесарийского отмечается православной церковью дважды — 9 апреля и 7 сентября. В Четиих Минеях митрополита Макария под 9 апреля его мученичество помещено на первом месте³⁵, тогда как под 7 сентября — на втором после св. мученика Созонта Ликийского (причем с ошибочным именем Евтихий) и повторно значительно ниже³⁶. Поэтому датой вклада Василисы следует признать 9 апреля 6942, то есть 1434, г. Дарительница креста — это, несомненно, дочь великого князя Московского Василия Дмитриевича, с 1419 г. жена Александра Ивановича Взметня.

То, что 9 апреля 1434 г. Василиса называла себя в Нижнем Новгороде великой княгиней, конечно, само по себе еще не означает, что она была женой правящего великого князя Нижегородского. Однако, учитывая другие аргументы (см. также далее), именно такая трактовка нам кажется наиболее предпочтительной. Логично также связать вклад Василисы с плачевной судьбой ее брата, находившегося тогда «в бегах», после поражения от Юрия Дмитриевича (20 марта) и потери Москвы (31 марта). Кстати, и сам Василий Васильевич где-то в мае (возможно, в июне) нашел убежище именно в Нижнем Новгороде [Зимин, с. 64–66].

Как нам кажется, факт восстановления Нижегородского великого княжения около 1430 г. отразился отражением и в некоторых документах из Московского великокняжеского архива. Так, в договорной грамоте великого князя Василия Васильевича с князем Юрием Дмитриевичем Звенигородским от 11 марта 1428 г. Нижний Новгород определенно назван в составе

---

³³ Там же. С. 479.

³⁴ Там же. С. 492–493, № 452.

³⁵ Великие Миней Четии. М., 1912. Апрель. Тетрадь II. Дни 8–21. Стб. тке.

³⁶ Великие Миней Четии. СПб., 1868. Сентябрь. Дни 1–13. Стб. 320–321, 348.

великокняжеских владений³⁷. Однако в договорной грамоте Василия Васильевича с князем Василием Ярославичем Серпуховским, составленной осенью 1432 г. [Зимин, с. 50], этот город среди московских владений уже не указан (так же и в договоре с князем Юрием Дмитриевичем 1433 г.)³⁸. Причем этот пропуск вряд ли можно объяснить простой случайностью, поскольку в обеих грамотах упомянут гораздо менее значительный Муром, в документе 1428 г. записанный сразу после Нижнего Новгорода. Вариант же, что в грамоте 1432 г. Нижний Новгород уже рассматривается как часть общего понятия «великое княжение» (а в состав старого Великого княжения Владимирского Муром не входил), мы также считаем маловероятным, поскольку очень уж невелик хронологический отрезок между документами — всего 4 года. А если это так, то следует прийти к заключению, что между 1428 и 1432 г. Нижегородская земля вышла из-под непосредственной власти московского государя.

Итак, на основании приведенных аргументов можно заключить, что Александр Иванович вокняжился в Нижнем Новгороде в период между 1428 и 1432 г. включительно. Хотя каждый из этих аргументов, взятый по отдельности, и может быть оспорен, по их сумме предложенная версия, полагаем, выглядит достаточно убедительно. Тем более что альтернативная, традиционная версия, относящая нижегородское княжение Александра к периоду 1419–1423 г., *никаких* подтверждений в источниках не находит. Более того, нумизматический материал, хотя и косвенно, ей даже противоречит (см. выше).

Наиболее вероятной датой восстановления Нижегородского княжения нам представляется весна/лето 1432 г. В это время хан Улу-Мухаммед, хотя и подтвердил великое княжение Василию Васильевичу, отдал его сопернику, Юрию Дмитриевичу, «выморочный» Дмитровский удел. При этом Юрий назван в летописи «побратимом» великого князя Литовского Свидригайла³⁹. А последний с мая 1431 г. находился в тесном союзе с ордынским ханом⁴⁰. Поэтому Улу-Мухаммед, наряду с изъятием из состава владений Василия Дмитрова вполне мог и выдать ярлык на Нижний Новгород местному «отчичу» (московские же летописи, в любом случае, об этом факте умолчали). Кстати, утраченная грамота князя Александра Ивановича Спасо-Преображенскому монастырю на половину с. Лубянцева, упомянутая в описи 1660 г., была выдана именно в 6940, то есть 1431/1432, г.⁴¹ Ср. его же грамоту нижегородскому Благовещенскому монастырю, выданную «июля того лета, коли князь Александр Иванович сел на своей отчине на Новгороде»⁴².

Но какой именно Александр Иванович вокняжился в Нижнем Новгороде? Точный ответ на этот вопрос дать невозможно. Но более вероятно, что это был все же Александр Взметень, сын Ивана Борисовича. Во-первых, он в то время являлся главой рода князей Суздальских, будучи на поколение старше Александра Брюхатого. А во-вторых, похоже, находился в неплохих отношениях с Юрием Дмитриевичем: как упоминалось выше, незадолго до смерти Александр занял у Юрия 500 рублей, за которые заложил ему четыре суздальских села (возможно, как раз в счет уплаты за ярлык на Нижний Новгород).

После смерти Александра Взметня в 1433 / 1-й половине 1434 г. его вдова, московская княжна Василиса Васильевна, вторично вышла замуж за Александра Брюхатого. В то время Василисе было всего чуть за 30 лет (допуская, что ее первый брак в феврале 1419 г. состоялся в 16-летнем возрасте, — около 31 года); оставлять ее в таком возрасте вдовой со стороны ее брата, великого князя Василия Васильевича, было бы не очень «гуманно», да и новый династический союз со старшим из князей Суздальских был явно не лишним. Этот брак, как представляется, был возможен только в случае признания за Александром Брюхатым прав, по крайней мере, на Суздальское княжение. Укажем для сравнения, что его младшие двоюродные братья, Василий

³⁷ ДДГ. С. 64, № 24.

³⁸ Там же. С. 70, № 27; С. 76, № 30.

³⁹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 249–250.

⁴⁰ Коцебу А. Свидригайло, великий князь Литовский. СПб., 1835. С. 93–94 (письмо от 9 мая 1431 г.).

⁴¹ АСЭИ. Т. III. С. 482.

⁴² АФЗХ. Ч. I. С. 205, № 234.

и Федор Юрьевичи, после присоединения Суздаля к Москве (см. ниже) полностью разорвали отношения с Василием Васильевичем. В частности, в 1440-х годах они со своими боярами грабили московские земли⁴³, а затем вынуждены были вообще покинуть свою «отчину»: Василия Юрьевича в 1444 г. мы видим на службе в Новгороде Великом⁴⁴, а Федор в 1446 г. служил великому князю Тверскому Борису Александровичу⁴⁵.

Однако есть некоторые основания полагать, что вместе с Суздалем Александр Брюхатый мог унаследовать и Нижний Новгород. Это могло найти отражение в договоре великого князя Василия с князем Дмитрием Шемякой от 13 июня 1436 г., где среди великокняжеских владений Нижний Новгород не упомянут, в отличие от менее значительного Муром⁴⁶ (в договоре 1428 г. с отцом Шемяки, Юрием Дмитриевичем, Нижний фигурирует перед Муромом — см. выше). Политическая ситуация для вокняжения Александра Брюхатого в Нижнем Новгороде в 1433/1434 г. была весьма благоприятной, ведь как раз в эти годы великий князь Василий вел ожесточенную борьбу со своим дядей Юрием Дмитриевичем, а затем его сыном Василием Косым (напомним, в мае/июне 1434 г. Василий, после поражения от Юрия, нашел убежище именно в Нижнем Новгороде).

Как уже отмечалось, Александр Брюхатый теоретически мог выдать и упомянутые грамоты на нижегородские владения суздальско-нижегородским монастырям, причем как обе, так и какую-то одну из них. В пользу второго варианта (одна из грамот выдана Взметнем, другая — Брюхатым) могут свидетельствовать разные титулы Александра Ивановича в этих документах: в грамоте Благовещенскому монастырю он называет себя князем, а в грамоте Спасо-Евфимиеву монастырю — великим князем. Вторую из этих грамот даже логичнее отнести именно к Александру Брюхатому, поскольку в ее позднейшем подтверждении князя Федора Юрьевича тот называет Александра Ивановича своим братом⁴⁷; вероятнее, что так был назван Александр Брюхатый, двоюродный брат Федора Юрьевича, а не Александр Взметень, приходившийся ему троюродным дядей. В этом документе сохранилось важное упоминание о том, что отношения Александра Ивановича со своим московским шурином были далеко не безоблачными: в одно время они даже дошли до открытого разрыва, хотя, в конце концов, великие князья Московский и Нижегородский заключили мир, по условиям которого Александр сохранил за собой Нижний Новгород.

Однако, в любом случае, через несколько лет не только спорный Нижний Новгород, но и Суздаль, который ранее всегда признавался законным владением местных князей, были включены в состав Московского государства. 4 марта 1438 г. великий князь Василий выдал жалованную грамоту на нижегородские земли Благовещенского монастыря, в которой определенно упоминаются его нижегородские наместники⁴⁸. Он же в 1438/1439 г. выдал грамоту Троице-Сергиеву монастырю на пустошь в нижегородской Гороховецкой волости⁴⁹. Отсюда следует вывод, что, вероятнее всего, в пределах хронологического отрезка с июня 1436 по февраль 1438 г. Нижний Новгород отошел к Московскому государству. Приблизительно тогда же был присоединен к Москве и Суздаль. Известно, что некоторое время этот город принадлежал князю Александру Васильевичу Чарторыйскому, выехавшему на московскую службу из Литвы в 1440 г., а затем в 1442 г. был отдан великим князем Василием своему двоюродному брату, князю

---

⁴³ ДДГ. С. 120, № 40.

⁴⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 424.

⁴⁵ Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1908. Вып. CLXVIII. Инок Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче / Сообщение Н. П. Лихачева. С. 42.

⁴⁶ ДДГ. С. 90, 92, № 35. Так же и в договоре с Шемякой 1441/1442 г. (Там же. С. 107, № 38), когда Нижний Новгород, несомненно, уже принадлежал Москве. Но это может объясняться тем, что за основу его формуляра был взят договор 1436 г., то есть механической перепиской предыдущего текста. То же самое, полагаем, относится и к договорам с Василием Ярославичем конца 1440-х — начала 1450-х годов (Там же. С. 129, № 47; С. 169, № 56; С. 179, № 58), формуляр которых восходит к докончанию 1432 г.

⁴⁷ АСЭИ. Т. II. С. 479, № 435.

⁴⁸ АФЭХ. Ч. I. С. 203, № 231.

⁴⁹ АСЭИ. М., 1952. Т. I. С. 104–105, № 135.

Ивану Андреевичу Можайскому⁵⁰. Вряд ли московский правитель мог пойти на столь крупный «примысел», как присоединение Нижнего Новгорода и Суздаля, еще при жизни княжившего там своего зятя. Очевидно, это произошло уже после смерти бездетного Александра Брюхатого.

Итак, выводы настоящей статьи сводятся к следующему. Среди представителей рода князей Суздальских в 1-й половине XV в. существовали два полных тезки — Александр Взметень, сын Ивана Борисовича Тугого Лука, и его троюродный племянник Александр Брюхатый, сын Ивана Васильевича Кирдяпина. Александр Взметень в 1415–1416 и с 1418 г. княжил в Суздале, с 1423 г. — совместно со своим отцом. Согласно нашей версии, между 1428 и 1432 г., вероятнее всего весной/летом 1432 г., Александр Иванович вокняжился также и в Нижнем Новгороде. Какой именно был этот Александр, точно сказать нельзя, но более вероятно, что все же Взметень. Он умер в 1433 / 1-й половине 1434 г. После этого его вдова, московская княжна Василиса Васильевна, вторично вышла замуж за Александра Брюхатого, который унаследовал Суздаль и, нельзя исключать, также Нижний Новгород. Во 2-й половине 1436 — начале 1438 г., очевидно, в связи со смертью Александра Брюхатого Суздаль (впервые) и Нижний Новгород (в очередной раз) были включены в состав Московского государства.

Литература

- Горский А. А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 140-170.
- Зимин А. А. Витязь на распутье. Феодалная война в России середины XV в. М., 1991.
- Ильин А. А. Классификация русских удельных монет. Л., 1940. Вып. 1.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. Кн. I. Т. V.
- Лихачев Н. П. Государев родословец и Бархатная книга. СПб., 1900.
- Макарий, архим. Памятники церковной древности. Нижегородская епархия. СПб., 1857.
- Мец Н. Д. Некоторые вопросы систематизации монет Суздальско-Нижегородского княжества // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 308–318.
- Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. М., 1971.
- Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918.
- Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877.
- Татищев В. Н. История российская. М.; Л., 1965. Т. V.
- Тростянский О. В. Клад суздальско-нижегородских монет XV века с Селитренного городища // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М.; Нижний Новгород, 2004. С. 237–324.
- Хмыров М. Д. Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских и членов Царствующего Дома Романовых. СПб., 1871. 1-я половина.
- Храмцовский Н. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 1857. Ч. 1.
- Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1948. Ч. I.
- Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Ч. II.
- Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. СПб., 1902. Т. IV. Ч. 1.
- Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. II.

⁵⁰ ПСРЛ. М., 2004 [СПб., 1910]. Т. XXIII. С. 151.